

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неизвестное прошлое

VIII ВСЕМИРНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС (Прага, 1934 г.) В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

С.Н. КОРСАКОВ

В № 3 «Философских наук» за 2008 г. мы рассказали о борьбе А.М. Деборина и его сторонников за участие делегации советских философов в VII Всемирном философском конгрессе в Оксфорде в 1930 г.¹ С тех пор вплоть до смерти Сталина философы нашей страны больше не участвовали в международных философских форумах. Да собственно, и участвовать-то было некому: Митин и ему подобные, те, кто пришел на смену репрессированным деборинцам, просто были неспособны достойно представлять страну на Всемирных конгрессах, к примеру, зачитывать свой доклад на иностранном языке, а затем отвечать на вопросы и участвовать в дискуссии. Поэтому причины того, что советские философы не присутствовали на VIII – XI Конгрессах, имеют двойственный характер. С одной стороны, власть не поощряла развитие международных философских контактов, с другой – сами «лидеры философского фронта» не проявляли к тому особого желания. Однако, как показывают архивные документы, подготовительные шаги к формированию советских делегаций для участия во Всемирных философских конгрессах в Праге (1934 г.) и Париже (1937 г.), предпринимались. О том, как советские философы готовились ехать на эти Конгрессы, и о том, как, в конце концов, не поехали, мы и расскажем.

Пражский конгресс и советские философы

В постановлении Комитета Международных философских конгрессов, принятом 8 сентября 1930 г. в ходе Конгресса в Оксфорде, следующий VIII Конгресс было намечено провести в Праге в сентябре 1934 г. Предстоящее событие не осталось вне поля зрения советских структур, занимавшихся внешнеполитической пропагандой.

В январе 1934 г. заведующий отделом науки, техники и искусства Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) Л. Чернявский выступил на заседании дирекции Института философии Коммунистической академии с докладом «О про-

паганде диалектического материализма за границей». Он призвал советских философов помогать обработке западного общественного мнения в просоветском духе, создать при ВОКС философскую секцию, подготовить список советских книг по философии для перевода и распространения за рубежом. Особо представитель ВОКС остановился на философском Конгрессе в Праге. Отметив подчеркнутый интерес организаторов Конгресса к актуальным общественным темам, широкий состав участников, Л. Чернявский сделал вывод: «Мне кажется, что в нынешних условиях участие советских философов крайне желательно»². Он просил поторопиться с решением вопроса, так как доклады должны быть представлены в Оргкомитет Конгресса не позднее 15 мая.

Сотрудники Института философии, принявшие участие в обсуждении доклада — В.М. Познер, Л.И. Герман, М.Д. Каммари, А.Х. Сараджев — высказали свои предложения о том, какие книги можно было бы перевести. М.Б. Митин, фактически бывший директором Института при больном В.В. Адоратском, подводя итог, попросил ВОКС обеспечить получение персональных пригласительных билетов теми товарищами, участие которых в Конгрессе будет признано желательным. В принятом по итогам заседания решении дирекции, помимо пунктов о переводе учебника «Диалектический и исторический материализм» под редакцией Митина на иностранные языки и создании философской секции при ВОКС, было записано: разработать в двухнедельный срок докладную записку Института философии в ЦК ВКП(б) об участии в VIII Всемирном философском конгрессе. Интересен и такой пункт решения: организовать для научных сотрудников Института философии курсы иностранных языков и считать обязательным для научной квалификации сотрудников Института основательное знание иностранных языков. При директорстве А.М. Деборина никому бы и в голову не пришло организовывать в Институте философии курсы иностранных языков, так как тогдашние сотрудники Института и так знали по несколько языков и регулярно ездили в научные командировки за границу³.

Председателю Оргкомитета Пражского конгресса профессору Э. Радлу был направлен запрос об участии в Конгрессе советских философов. Это было сделано через Э.Я. Кольмана, члена Президиума Комакадемии, отвечавшего за вопросы философии естествознания. Подобный ход был вполне естественным, поскольку Э.Я. Кольман сам был уроженцем Праги. Отец его был чехом, мать — еврейкой. Кольман в юности увлекался сначала чешским национальным движением, затем еврейским национализмом и, наконец, марксизмом. В 1913 г. он окончил математическое отделение философского факультета Чешского университета в Праге и был оставлен в университете в качестве ассистен-

та-вычислителя Астрономической обсерватории⁴. С началом мировой войны Кольман попал на фронт, затем оказался в русском плену, где примкнул к большевикам. Особенно он выдвинулся в период разгрома деборинцев и в 1930-е гг. наряду с А.А. Максимовым, задавал тон в советской философии естествознания.

Э. Радл быстро откликнулся на запрос соотечественника и прислал Первый циркуляр Оргкомитета и специальное приглашительное письмо, в котором выражал уверенность, что «представители коммунистического мировоззрения найдут в Программе Конгресса многое такое, к чему они должны будут выявить свое отношение». Радл писал также, что «интернациональный характер Конгресса и его либеральная организация дадут возможность представителям коммунистического мировоззрения полностью проявить себя на Конгрессе, а тем самым и в международном философском мире».

21 февраля 1934 г. заместитель Председателя Президиума Комакадемии М.А. Савельев и заместитель директора Института философии М.Б. Митин направили заведующему Культурно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) А.И. Стецкому докладную записку, в которой говорилось, что «на Конгрессе стоит целый ряд актуальных вопросов, по которым совершенно необходимы выступления наших представителей»⁵. Авторы записки сообщали о том, что Комакадемия и Институт философии получили приглашение на Конгресс, а также о пожелании Оргкомитета подготовить для участников Конгресса выставку советской философской литературы. Пражский Оргкомитет просил также создать Советский национальный оргкомитет, с которым можно было бы сноситься на постоянной основе и решать все вопросы советского участия в Конгрессе.

Исходя из этого, в записке предлагалось создать оргбюро советской делегации в составе М.Б. Митина, Э.Я. Кольмана и Е.Б. Пашуканиса для связи с Оргкомитетом Конгресса и организации выставки советской философской литературы, а также издать к началу Конгресса сборник докладов советской делегации на французском, немецком, английском и итальянском языках. В записке говорилось, что «Президиум Комакадемии и Институт философии считают крайне желательным и необходимым участие наших представителей на Конгрессе». В качестве докладчиков предлагались: Е.Б. Пашуканис в секции «Нормативная и описательная социология», К.Б. Радек в секции «Кризис демократии», Е.М. Ярославский в секции «Религия и философия», М.Б. Митин в секции «Значение философии для нашего времени», Э.Я. Кольман или А.А. Максимов в секции «Границы естествознания», И.К. Луппол в секции «История философии как наука». Записка завершалась словами: «Ввиду срочности вопроса просим ускорить его разрешение».

На следующий день, 22 февраля 1934 г. Президиум Комакадемии и Институт философии направили в Культпроп ЦК ВКП(б) более подробное обоснование советского участия в Конгрессе. В документе обращалось внимание на то, что Оргкомитет Конгресса во главе с учеником Т.Г. Масарика профессором Э. Радлом пытается придать Конгрессу по возможности актуальный характер. Были перечислены книги, вышедшие недавно за рубежом, в которых, по мнению руководителей советской философии, давалась искаженная интерпретация диалектического материализма. В связи с этим делался вывод: «Институт философии полагает, что выступление советской делегации имело бы большое значение, так как советские делегаты могли бы дать с международной трибуны развернутое изложение подлинной марксистско-ленинской точки зрения по всем основным вопросам, входящим в Программу Конгресса»⁶. Авторы обоснования напоминали об участии И.К. Луппола и А.В. Луначарского в предыдущем Конгрессе в Оксфорде в 1930 г. Как мы показали в своей статье об Оксфордском конгрессе, столь малочисленный состав советской делегации в 1930 г. стал результатом саботажа со стороны группы Митина, поддержанной ЦК ВКП(б) в целях сталинизации философии. Теперь же митинцы лицемерно писали: «В настоящее время колоссальные всемирно-исторические победы социализма в СССР и огромный рост его международного значения требуют послышки на Конгресс более многочисленной делегации».

Номер журнала «Под знаменем марксизма» за март — апрель 1934 г. открывался редакционной статьей «Кризис буржуазной философии и диалектический материализм (По поводу предстоящего VIII Международного философского конгресса)»⁷, содержащей обзор основных направлений современной западной философии. Статью написал А.М. Деборин, но опубликована она была без подписи. И то, и другое легко объяснимо. Митин, Юдин и их последователи были неспособны дать профессиональный анализ тенденций развития мировой философии. Пришлось обращаться к Деборину как к «буржуазному спецу». Но сам Деборин, изгнанный с философского Олимпа и оклеветанный сталинцами, утратил право на установочные статьи. Его идеи и знания присваивало себе новое философское руководство.

В статье Деборина глубоко и, вместе с тем, сжато было проанализировано современное состояние неогегельянства, философии жизни, гуссерлианства, философской антропологии, неотомизма, неокантианства, логического позитивизма. В качестве общей тенденции автор назвал «поворот от мысли к слепой воле, к стихии инстинктов и ко всему неразумному»⁸. Деборин не мог прямо обсуждать в статье вопрос о поездке советской делегации на Конгресс, но он с мягким нажимом подводит читателя к этому выводу: конечно, на Конгресс съедутся представители всех на-

правлений буржуазной философии, которые образуют по отношению к диалектическому материализму «единый фронт», «но этим обстоятельством не следует смущаться, но, напротив, оно должно послужить для нас стимулом...» и пр.

1 марта 1934 г. профессор Э. Радл написал Э. Кольману о том, как он видит участие советской делегации в Конгрессе⁹. Интересно, что письмо было написано Радлом на русском языке. Радл писал, что «сотрудничество русских почти необходимо для успеха Конгресса». Он подчеркнул, что основная задача Конгресса — обсудить наиболее актуальные проблемы, волнующие современников. В этом смысле становится понятной его пожелание, чтобы доклады членов советской делегации были как можно более *советскими*, то есть представляли одну из важнейших мировоззренческих позиций. Радл соблазнял советских философов возможностью повлиять своими докладами на мировую философскую мысль. Он просил как можно скорее выслать хотя бы названия, сообщая, что пять или шесть пятнадцатиминутных мест для докладов на пленарных заседаниях в Программе Конгресса пока еще свободны. Если же советская делегация выдвинет из своей среды наиболее выдающегося оратора, он выражал готовность путем поглощения времени прочих советских докладчиков предоставить ему получасовой регламент и право выступать первым в заседании. Председатель Оргкомитета был настолько заинтересован в советском участии в Конгрессе, что готов был пойти на то, чтобы включать доклады в программу на основании аннотаций, без наличия полных текстов. Поскольку при Конгрессе планировалась выставка философской литературы по странам-участницам, выпущенной за период с 1930 г. по 1934 г., Радл просил советских философов организовать такую выставку, называя ее «полезной культурной пропагандой для Советской России».

9 марта 1934 г. Радл направил Кольману новое письмо и вновь на русском языке¹⁰. На документе имеется помета, что он 15 марта перепечатан для Митина и Стецкого. Радл писал, что на Конгрессе главное внимание будет уделено свободному обмену мнениями и все направления могут быть к тому допущены при условии изложения своей позиции в академической форме. Считая, что такой формат конгресса «имеет интерес и для граждан Советской России», Радл предлагал выступить «с сообщениями о том, как живет и влияет философия в Вашем государстве, о том, что Вы в данном отношении сделали, что предполагаете предпринять в дальнейшем, а также выступить с критикой философских направлений в других государствах»¹¹. Радл уведомлял, что приглашение от Оргкомитета для АН СССР и Комакадемии будет продублировано по межправительственным каналам. «Зовем самым горячим образом философов Советской России принять участие

в этом Конгрессе. Надеемся, что сможем приветствовать многих участников из Советской России и найдем у Вас сочувствие начинаниям данного Конгресса», — писал в завершение Радл¹².

В адрес советских учреждений был выслан Второй циркуляр Конгресса¹³. В нем оговаривались организационные условия участия в Конгрессе, перечислялись названия секций. «Докладам, затрагивающим актуальные вопросы современности, будет оказано предпочтение», — говорилось в документе. Специально отмечалось, что на Конгрессе ожидают не только философов, но и тех, кто интересуется философией из числа ученых, педагогов, священников, технических специалистов, писателей, артистов, издателей и «всех, кому философия помогает в их работе». Каждый участник мог свободно предложить анализ современной интеллектуальной ситуации и обсудить роль философских идей в удовлетворении человеческих потребностей в различных областях: в науке, литературе, искусстве, морали, политике, экономике, социальной и религиозной жизни, оценить степень влияния философии на общественные отношения за время после Мировой войны и ее возможности по формированию гуманистического будущего.

Бюрократическая машина по инициативе ВОКСа была уже запущена. 12 апреля 1934 г. полпред СССР в Чехословакии выслал в ВОКС два официальных приглашения на Конгресс, полученные от Оргкомитета, просил передать их заинтересованным лицам и сообщить, примут ли советские учреждения участие в Конгрессе и в выставке философской литературы, и в каких размерах ожидается это участие¹⁴. 25 апреля 1934 г. функционер ВОКСа Л. Чернявский переслал в Институт философии запрос советского полпредства и просил срочно сообщить, имеется ли решение об участии советских представителей в Конгрессе¹⁵. 25 июня 1934 г. заведующий правовым отделом Наркомата иностранных дел А. В. Сабанин¹⁶ писал руководству Института философии: «По сообщению ВОКС им передано Вам приглашение принять участие в работах VIII Международного философского конгресса, имеющего быть в Праге в сентябре 1934 г. Правовой отдел НКИД просит Вас сообщить, в каком положении находится вопрос относительно участия делегатов СССР в означенном Конгрессе. Просьба не задерживать ответом»¹⁷. На письме имеется резолюция «Т. Константинову. Дать ответ. Митин». Ф. В. Константинов был в тот период ученым секретарем Института.

11 июля 1937 г. ответ от дирекции Института философии в НКИД был дан следующий: «На Ваш запрос сообщаем, что мы по ряду обстоятельств не сможем принять участия в работах Пражского конгресса»¹⁸.

Чем объяснить такой итог всей эпопеи с советским участием в Конгрессе? Возможно, Митин прозондировал «почву» относитель-

но участия в Конгрессе на самом верху и получил ответ скорее негативный. Ведь отказываясь от участия в Конгрессе, он шел на срыв всей подготовительной работы, проделанной ВОКС, НКВД и советским полпредством. Важно отметить, однако, другое. Нет никаких свидетельств организации какой-либо реальной подготовки к участию в Конгрессе в самом Институте философии. Можно предположить, что Митин изначально не собирался ехать в Прагу. Да и что могли Митин, Константинов или Юдин «сообщить» на Конгрессе о том, как «живет» философия в СССР под сенью сталинского «социализма», как и на что она здесь «влияет», что советские философские руководители «в данном отношении сделали, что предполагают предпринять в дальнейшем», говоря словами Радла. От том, как они осуществили погром Института философии в 1930 г.? О том, какая судьба ими уготовлена вскоре для оставшихся дебординцев? О том, что философия уже ни на что не влияет, а самостоятельная мысль стала преступлением? Могли ли они рассказать об этом, да еще на одном из официальных языков Конгресса, а потом отвечать на вопросы и вести дискуссию? А могли ли Митин, Юдин, Константинов послать в Прагу тех, кто был способен успешно выступить на международном философском форуме, например, того же Луппола или кого-нибудь еще из бывших дебординцев? Такая самодискредитация им была не нужна. Но руководители Института философии нашли, однако, выход из тупикового положения.

В Прагу был направлен Б.Э. Быховский, но не как участник Конгресса от СССР, а как корреспондент журнала «Под знаменем марксизма». В тех условиях, в которых оказалось советское философское руководство, это был наилучший, наверное, единственно возможный выбор. Во-первых, Б.Э. Быховский хорошо знал языки. Во-вторых, он был первоклассным специалистом по самому широкому кругу историко-философских проблем, и ему не составляло труда схватить самую суть дискутируемых тем. В-третьих, он блестяще владел пером, в чем может убедиться любой читатель его книг и статей. И, наконец, что немаловажно, он не принадлежал к дебординской школе. Разумеется, он был таким же искренним сторонником материалистической диалектики, как и Деборин, и был солидарен с борьбой против механистов. Но у Быховского имелись с Дебориным чисто теоретические разногласия по историко-философским вопросам, в частности, по вопросу оценки философии Спинозы. Если Деборин определенно квалифицировал Спинозу как материалиста, то Быховский полагал, что отойдя от идеализма Спиноза остановился на дуалистической позиции¹⁹. Ничего удивительного здесь нет. Известно, сколь труден вопрос о сущности философии Спинозы, и как много разноречивых решений его предлагалось и продолжает предлагаться. Однако критические высказывания Быховского в адрес Дебо-

рина, да еще сделанные задолго до Постановления ЦК ВКП(б) о «меньшевистствующем идеализме», были для философских бонз лучшей рекомендацией. Ведь так или иначе, Быховский пережил сталинское лихолетье и не был репрессирован.

Он и поехал в Прагу.

На Конгрессе в Праге

VIII Всемирный философский конгресс проходил в Праге со 2 по 7 сентября 1934 г. Заседания Конгресса проходили с 9.00 до 19.30 вплоть до вечернего заседания 6 сентября. 7 сентября было официальное закрытие Конгресса.

В Конгрессе приняло участие около 600 делегатов из 21 страны. Было заслушано 120 докладов. Участники Конгресса делились на активных — т.е., докладчиков, и пассивных, которые имели право принять участие в свободной дискуссии. Организационный взнос для первых составлял 120 крон, для вторых — 70 крон. На пленарных заседаниях первые два приглашенных докладчика получали на выступление 3/4 часа, причем Оргкомитетом были подобраны доклады «за» и «против», чтобы стимулировать последующую дискуссию. Для участия в свободной дискуссии выступающим отводилось 5 — 7 минут. В секционных заседаниях можно было вступать в течение 1/4 часа и, естественно, участвовать в дискуссии. Тематические пленарные заседания проходили утром, вечер был посвящен работе очередной секции.

Нельзя обойти тот факт, что в Конгрессе активное участие приняли русские философы-эмигранты, в особенности живший в Праге Б.В. Яковенко, избранный на предыдущем Конгрессе в Оксфорде в 1930 г. членом Международного комитета философских Конгрессов. В работе Конгресса участвовали также С.Н. Булгаков, И.И. Лапшин, С.Л. Франк.

Характерным для Пражского конгресса было стремление организаторов не только представить на Конгрессе наиболее влиятельные течения философской мысли, но и обсудить актуальные задачи, поставленные сложной мировой обстановкой. Совершенно ясно, почему именно чехословацкий Оргкомитет сделал подобный выбор. В США разразилась «великая депрессия», сказавшаяся и на экономике других стран. В Германии год назад к власти пришли нацисты. Все это коренным образом изменило не только международную политическую ситуацию, но и духовную атмосферу. Кроме того, именно Чехословакия оказывалась под ударом как первая потенциальная жертва агрессивных устремлений гитлеровцев. Нельзя забывать и о том, что президентом страны с самого обретения ею независимости в 1918 г. был крупный философ Т.Г. Масарик, и его ученики и последователи занимали ключевые позиции в философской жизни. Обостренный интерес Масарика к проблемам гума-

низма и демократии как противостоянию против агрессивности и насилия находил свое закономерное отражение в устремления организаторов Конгресса и в заявленных для обсуждения темах.

Выступая на открытии Конгресса председатель его Оргкомитета профессор Пражского университета Э. Радл сказал: «Все мы чувствуем давление международных политических и экономических трудностей. Мы чувствуем, что и содержание и сила философского исследования неизбежно страдают под влиянием этого международного хаоса, и философы обязаны в собственных интересах искать, чем бы помочь»²⁰.

Министр иностранных дел и будущий президент Чехословакии Э. Бенеш в своем приветственном слове также говорил о наступившей «беспримерной смуте» во всех областях человеческой жизни и о необходимости «ответственным умам» искать новые решения, которые бы обеспечили «больше порядка, спокойствия, прочности». Причины кризиса Э. Бенеш, как ученик Т.Г. Масарика, усматривал не в кризисе демократии как политического принципа, а в «кризисе демократов», оказавшихся неготовыми принять вызовы времени.

На Конгрессе были организованы следующие тематические секции:

Тема 1. Границы естествознания.

Тема 2. Значение логического анализа для познания.

Тема 3. Нормативная и описательная социология.

Тема 4. Религия и философия.

Тема 5. Кризис демократии.

Тема 6. Проблемы психологии и педагогики.

Тема 7. Значение философии для нашего времени.

По *теме 1* — о границах естествознания — рамки дискуссии были сразу обозначены Э. Радлом по-кантиански, в духе принципиальной противоположности между апостериорным и априорным знанием. Э. Радл постулировал то, что еще, казалось бы, требовало доказательства: то, что естественные науки в себе имеют непреступаемую границу, за которой открывается область должествования. Профессор Сорбонны Л. Брюнsvик, выступавший вслед за Э. Радлом, отверг саму постановку вопроса непреложных о границах науки как ложную, ибо граница в научном познании лишь постоянно отступает вдаль как раз в результате познавательной деятельности человека. Л. Брюнsvику возражал знаменитый виталист Х. Дриш, поскольку его «энтелехии», действующие в органической природе, и оказывались теми самыми искомыми надматериальными сущностями, дополнительными к механическим законам движения. Х. Дриша поддержал философ из Гамбурга А. Мейер, защищавший позиции холизма. Против агностицизма выступил Г. Башляр, отрицавший абсолютные границы познания.

В *теме 2* тон задавали логические позитивисты. Представители этого направления (Р. Карнап, М. Шлик, Г. Рейхенбах, Ф. Франк, О. Нейрат и др.) провели за три дня до начала Конгресса в Праге свою предварительную конференцию, на которой установили свою линию поведения на предстоящем Конгрессе. Поэтому они смогли очень ярко выявить свою позицию в прениях. В докладе Г. Рейхенбаха проводилась мысль о том, что классическая логика есть частный случай вероятностной логики. В связи с этим им было подвергнуто критике традиционное понимание причинности. Точку зрения прагматизма на проблемы познания изложил Ф.К.С. Шиллер.

По *теме 3* дискуссия вращалась вокруг вопроса о том, должна ли социология быть чисто объективной или же нормативной наукой. В развитие этой темы была поставлена проблема о наличии верховной нормы в социологии и о том, следует ли искать ее в понятии нации или в понятии человечества.

Заседание, посвященное *Теме 4* прошло в переполненном зале. Э. Радл сразу же сформулировал проблему в апологетическом для религии плане. Собравшихся приветствовал иезуит Пживара, который, продолжая традиции св. Августина, обосновывал тезис о разграничении философии, познающей мир, и религии, постигающей бога не рассудком, а волей, «отдачей» богу. А в ходе дальнейшего обсуждения религия вообще отождествлялась участниками дискуссии с христианской верой. Оппонировавший Пживаре Л. Брюнстик выступил с восходящей к Гегелю спекулятивной позицией, в соответствии с которой бог не личность, но дух. Итог подвел Ж. Шевалье, сказавший, что философия должна помочь рядовому человеку преодолеть сомнения в боге и религии.

Центральной на Конгрессе стала *Тема 5*. При обсуждении вопроса о кризисе демократии четко выявилось противостояние делегатов демократических стран (Франция, США, Чехия) и фашистских «критиков демократии» из Италии и Германии. Соответствующее напряжение имело место и за стенами зала, где проходил Конгресс. Немецкие эмигранты в Праге хотели устроить скандал гитлеровской делегации, но он был предотвращен полицией.

Немецкие философы на Конгрессе образовали два противоположных лагеря: эмигрантов и официальных посланцев нацистской Германии. Что касается первых, то А. Либерт приехал на Конгресс из Белграда, Г. Рейхенбах — из Константинополя, З. Марк из Парижа, а Э. Утицу вообще не пришлось никуда приезжать, потому что он эмигрировал в Прагу. Эти философы представляли здесь классическую традицию немецкой философии. Они выступали против нацистских «философов» единым фронтом вместе с делегатами из демократических стран.

Нацистская делегация осталась на Конгрессе совершенно изолированной. Даже итальянцы дистанцировались от нее, глубоко-

мысленно раскручивая рискованный тезис о том, что в отличие от нацизма, фашизм не отрицает демократию, а является ее высшей концентрированной и консолидированной формой. Нацистский «философ» В. Гельпах в своем докладе утверждал, что превыше всего должна быть нация, «чистая в расовом отношении». Он разглагольствовал об исходном расовом единстве крови народа и о воле фюрера, схватывающей это единство в творческом порыве. Гельпах провозгласил в своем докладе принцип атолерантности всякой культуры, стремящейся к саморазвертыванию и доминированию. Другой нацистский делегат, Фельдкеллер, прямо выступал против разума, против «интеллектуального мировоззрения». Он объявил смертельную войну философии Просвещения и резко высказался против рефлектирующей, размышляющей философии Гегеля. Человека погубит его разум, провозглашал нацист, если только он не подчинит разлагающий рассудок целостной душе и перейдет к «философии действия» и «социальной хирургии» с тем, чтобы «руководить историей». Волюнтаризм в ницшеанских традициях присутствовал и в выступлении главы нацистской делегации Эмге. Иную разновидность волюнтаристского активизма демонстрировали итальянские фашисты — последователи Дж. Джентиле.

Фашистские участники Конгресса объявляли кризис демократии вполне закономерным явлением с тем, чтобы изобразить фашизм спасителем цивилизованного мира. Итальянский фашистский сенатор Бодrero прямо утверждал, что «либеральная демократия не в силах разрешить трудностей капитализма». Бодrero упрекал сторонников демократии в идеализации человеческой природы.

Глава французской делегации Баш в ответ утверждал, что демократы намного трезвее относятся к возможности человеческого совершенства, чем те, кто верит в непогрешимость дуче или фюрера. Близок к истине был французский философ Бартеlemi, указавший на то, что кризис либерализма — дитя экономического кризиса. Ведь именно голод и неуверенность в завтрашнем дне дезориентировали людей и породили в их сердцах отчаяние от предчувствия катастрофы и ожидание избавителя. В качестве альтернативы по спасению демократии американский философ У.П. Монтегю предложил решать проблемы, порожденные экономическим кризисом, не фашистскими методами, а с помощью мер, вытекающих из «нового курса» Ф. Рузвельта. Для спасения демократии Монтегю предлагал пожертвовать некоторыми формами демократии и пойти на экономический диктат государства, создав синтез демократии и авторитаризма. В том же смысле высказался и Бартеlemi, утверждавший что органическое несовершенство народа требует его обуздания.

Дискуссия по *темам 6 и 7* была не столь интересной. Отметим лишь, что вопрос о значении философии был поднят в письме Э. Гуссерля. Лично он на Конгрессе не присутствовал, но в сво-

ем послании в адрес участников форума призвал их погрузиться в абсолютно радикальное размышление о смысле философии, которое по определению не может быть коллективным и должно осуществляться лишь в одиночестве.

Участникам Конгресса была предложена богатая культурная программа, включающая торжественные приемы, экскурсии в средневековые чешские замки и посещение курортов.

При завершении Конгресса следующий всемирный форум философов было решено провести в 1937 г. в Париже и посвятить 300-летию выхода в свет «Рассуждения о методе» Декарта.

Советская печать о Конгрессе

Вернувшийся из Праги Б.Э. Быховский высказал свои впечатления о Конгрессе на страницах журнала «Под знаменем марксизма». Обзор Б.Э. Быховского был вполне информативным и квалифицированным²¹. Хотя не обошлось и без идеологических пассажей. Об установке организаторов Конгресса на обсуждение животрепещущих проблем современности Б.Э. Быховский высказался так: «Перед лицом надвигающейся катастрофы тонкие логические и гносеологические проблемы отступили на задний план. Никогда с большей ясностью и недвусмысленностью не обнаруживалась связь философии и политики, партийность философии»²². Б.Э. Быховский не смог оценить введение логическими позитивистами в обиход вероятностной логики и расценил это как релятивистскую постановку проблемы истины. Смешивая различные вопросы, он в качестве альтернативы вероятностной логики предлагал диалектику относительной и абсолютной истины. Подробно Б.Э. Быховский остановился на обсуждении вопроса о кризисе демократии. В этой связи, говоря о фашистах и нацистах на Конгрессе, Б.Э. Быховский остро бичевал их потуги претендовать на какую-то особую философскую теорию, чтобы обосновывать античеловеческую практику. Но при этом Б.Э. Быховский указал на сходство рецептов «лечения» демократии французами и американцами если не с нацистскими подходами, то по крайней мере с позициями итальянского фашистского корпоративного государства. Итог статье Б.Э. Быховский подвел вполне ожидаемый: «VIII Международный конгресс войдет в историю философию как яркое выражение эпохи распада капитализма, он наглядно показал, как далеко зашел кризис буржуазной философии»²³.

В следующем номере журнал «Под знаменем марксизма» вновь вернулся к итогам Пражского конгресса, опубликовав статью чешского марксиста З. Каландры²⁴. Изнутри зная специфически пражскую политическую и философскую атмосферу, З. Каландра делал вывод, что именно она выдвинула вперед тему противостояния между фашизмом и его либеральными противниками. Автор статьи отметил

более тщательную подготовку и организацию Пражского конгресса в сравнении с предыдущими. З. Каландра имел здесь в виду то, что Программа Конгресса не столько складывалась на основе поданных заявок на выступления, сколько была выработана во всех деталях его главным организатором Э. Радлом. И уже в выборе одних тем, или, напротив, в уходе от других «можно было сразу угадать руку этого ученика Масарика». Рамки дискуссии были заранее ограничены и индивидуальной свободе в выборе тем было оставлено гораздо меньше места, чем прежде. По оценке З. Каландры Конгрессу было заранее навязано самое главное — постановка вопросов: «Как организатор Конгресса Э. Радл хотел превратить его в философский турнир, в котором каждый тезис столкнулся бы со своим антитезисом, причем, однако, и тезисы и антитезисы были выбраны им с его собственной философской точки зрения. Таким образом, он сам подготовил весь материал, и большинство членов Конгресса даже не заметило, что этим были уже заранее установлены рамки дискуссионной борьбы, как это потом обнаружилось во всем ходе прений»²⁵.

З. Каландра считал, что сами темы заседаний Конгресса должны были быть сформулированы иначе: не «Границы естествознания», а «Идеализм и материализм в современной картине мира», не «Кризис демократии», а «Социалистический или фашистский выход из мирового кризиса капитализма», не «Философия и религия», а «Наука и вера».

Другая особенность Конгресса, по мнению З. Каландры, заключалась в явлении атомизации философии, в том, что все важнейшие философские направления конца XIX — начала XX вв. утратили свою былую оформленность, границы между ними стираются, отдельные течения расплываются и смешиваются друг с другом, осколки прежних систем эклектически соединяются в малооригинальное целое. Конгресс показал это, как и то, что относительную сплоченность продемонстрировали на Конгрессе лишь неогегельянство, неотомизм и логический позитивизм.

На Пражском конгрессе советские философы остались в роли наблюдателя, боясь проиграть в острой политизированной дискуссии. Как повели себя они в 1937 г. по отношению к Парижскому конгрессу, мы расскажем в следующем номере.

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ

«Философские науки» продолжают публикации материалов, в том числе архивных, посвященных истории Всемирных философских конгрессов. В связи с этим обращаемся к вам, дорогие читатели, с просьбой направлять в редакцию имеющуюся информацию, которая способствовала бы более полному представлению журнального проекта.

Примечания:

- ¹ См.: Корсаков С. Н. VII Всемирный философский конгресс (Оксфорд, 1930 г.) в истории отечественной философии // Философские науки. 2008. № 3. С. 138 – 158.
- ² Архив РАН. Фонд. 350. Оп. 1. Д. 974. Л. 3.
- ³ В нашей статье в «Философских науках» (в № 3 за 2008 г.) мы перечислили сотрудников Института философии, бывших в научных командировках за границей во второй половине 1920-х гг. Кроме них в научные заграникомандировки выезжали:
А. И. Ангаров – в начале 1929 г. в Лейпциг в течение трех месяцев (стажировался у Х. Дриша),
А. А. Болотников – 1925 – 1926 гг. в Берлин и Париж в течение девяти месяцев,
П. С. Виноградская – в 1927 г. и 1930 г. во Францию,
Р. С. Выдра – в июле – сентябре 1927 г. в Берлин,
В. П. Егоршин – в 1928 г. в Берлин в течение двух месяцев,
И. Д. Сапир – в августе-декабре 1925 г. в Берлин (стажировался у О. Фогта),
В. Н. Слепков – в 1928 – 1929 гг. в Берлин в двухгодичную командировку. Здесь не учтены заграничные поездки Я. Э. Стэна, поскольку они были связаны с партийной работой.
Все названные философы были репрессированы в той или иной степени (от расстрела до исключения из партии), причем факт их пребывания за границей позволял включать в фальсифицированное обвинение пункт о шпионаже.
- ⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 8014.
- ⁵ Архив РАН. Фонд 350. Оп. 1. Д. 972. Л. 11; Фонд 355. Оп. 1а. Д. 151. Л. 4.
- ⁶ Архив РАН. Фонд 350. Оп. 1. Д. 972. Л. 3.
- ⁷ См.: Кризис буржуазной философии и диалектический материализм (по поводу предстоящего VIII Международного философского конгресса) // Под знаменем марксизма. 1934. № 2. – С. 1 – 12).
- ⁸ Там же. С. 2.
- ⁹ См.: Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 973. Л. 7 – 8.
- ¹⁰ См. там же. – Л. 21 – 22.
- ¹¹ Там же. – Л. 21-об.
- ¹² Там же. – Л. 22.
- ¹³ См. там же. – Л. 109 – 115.
- ¹⁴ См. там же. – Л. 54.
- ¹⁵ См. там же. – Л. 53.
- ¹⁶ Сабанин Андрей Владимирович. Родился в 1887 г. в Петергофе. Зав. правовым отделом НКВД СССР. Арестован 21.09.1937 г. Осужден и расстрелян 22.08.1938 г. Реабилитирован в августе 1955 г.
- ¹⁷ Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 972. Л. 5.
- ¹⁸ Там же. – Л. 6.
- ¹⁹ См.: Быховский Б. Э. Был ли Спиноза материалистом. – Мн., 1928. – С. 23 – 26, 34 – 35.
- ²⁰ Цит. по: Под знаменем марксизма. 1934. № 5. – С. 164.
- ²¹ См.: Быховский Б. Э. VIII Международный философский конгресс // Под знаменем марксизма. 1934. № 5. – С. 164 – 170.
- ²² Там же. – С. 165.
- ²³ Там же. – С. 170.
- ²⁴ См.: Каландра З. Еще о философском Конгрессе в Праге // Под знаменем марксизма. 1934. № 6. – С. 82 – 87.
- ²⁵ Там же. – С. 84.